

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. Российско-турецкие отношения на современном этапе: объективные основы и главные риски.....	12
ГЛАВА 2. 2008–2010 годы. Период динамичного развития. От грузино-осетинского конфликта до «арабской весны»	23
ГЛАВА 3. 2011–2015 годы. Период инерционного развития. Поиски нового качества отношений	46
ГЛАВА 4. 2015 год. Кризис	97
ГЛАВА 5. 2016–2017 годы. Выход из кризиса. Налаживание взаимодействия в Сирии	122
ГЛАВА 6. 2017–2018 годы. Новый период динамичного развития	147
ГЛАВА 7. Взгляд в будущее. Реальна ли перспектива росийско-турецкого союза	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	215
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ....	221
ОБ АВТОРЕ.....	246

Об авторе

Икбаль Дюрре – доцент кафедры теории регионоведения Московского Государственного Лингвистического Университета, кандидат исторических наук, автор многочисленных научных статей, и в то же время участник популярных общественно-политических передач на российском телевидении и радио. Он уже много лет работает в России, хотя и не теряет постоянной связи с родиной. Отсюда и глубокое знание проблем, стоящих перед турецкой политологией.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российский читатель довольно редко может ознакомиться с работами иностранных историков и политологов. Несмотря на то, что подход к исследованию проблем внешней политики в каждой из наших стран значительно отличается, знакомство с позицией зарубежных политологов всегда представляется крайне интересным для отечественных исследователей.

Отношения с Турцией, а до этого с Османской империей всегда были под пристальным вниманием как императорской России, так позже и Советского Союза. Многочисленные исследования российских, а позже и советских историков были посвящены отношениям двух империй, которые неоднократно воевали – по разным подсчетам от 11 до 14 войн, но порою оказывались и союзниками.

Совершенно иначе складывались отношения Советской России и республиканской Турции. В большевистской Москве увидели в новой революционной Турции во главе с Мустафой Кемалем не просто союзника в борьбе против «реакционной империалистической Антанты», но и революционный мост на Восток, куда и должна была распространиться «всемирная революция». Не зря на помощь новой Турции после подписания договора о «Дружбе и братстве» в 1921 году революционная Россия направила 10 млн рублей золотом, артиллерию, пулеметы и винтовки, что помогло Кемалю и его сторонникам разгромить греческую армию и покончить с оккупацией страны государствами Антанты. Кемалисты получили и обширные территории, ранее входившие в состав Российской империи, о чем до сих пор помнят и армяне, пережившие жесточайший геноцид, и грузины.

Впрочем, турецкие революционеры были не готовы воспринять марксистские теории и, скорее, связывали планы дальнейшего развития республики с ориентацией на Европу, чем с проведением революционных преобразований большевистского типа на территории Турции. После смерти Кемаля Ататюрка отношения двух стран окончательно разладились, и Турция переориентировала свою внешнюю политику на Германию, и готова была присоединиться к войне против СССР, если бы не поражение германской армии под Сталинградом. Так отношения двух стран вернулись к вековой вражде. Позже были и советские попытки вернуть армянские и грузинские земли, и вступление Турции в НАТО, и проведение активной антисоветской политики.

Характер отношений с Турцией начал постепенно меняться после начала перестройки и политики разрядки, однако наиболее масштабные изменения произошли после распада СССР. По мнению автора и с этим нельзя не согласиться, «в настоящее время российско-турецкие отношения превратились в фактор глобальной геополитики. Взаимодействие двух стран в борьбе против международного терроризма и в процессах урегулирования сирийского кризиса – одного из наиболее ожесточенных, кровопролитных и опасных для всей системы международных отношений – имеет огромное значение с точки зрения интересов стабилизации положения на Ближнем Востоке, по праву считающемся «пороховой бочкой» планеты». Действительно, такая характеристика полностью соответствует важности российско-турецких отношений и подчеркивает возросшую роль Турции не только в регионе, но и в мире в целом.

Автор выбрал для подробного анализа период правления в Турции Партии справедливости и развития, одним из активных создателей которой был нынешний президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Эрдоган развернул вектор развития турецкой внешней политики от исключительно прозападной ориентации страны на Восток, стараясь укрепить отношения Турции с исламским миром и опираясь при этом на политику умеренного исламизма внутри страны. Следует отметить, что эта политика не только нашла поддержку у большинства турецкого электората, но и обеспечила популярность Эрдогану в арабских странах, прежде всего у «арабской улицы». Эрдоган активно встал на позицию поддержки арабов-палестинцев и арабская общественность активно приветствовала этот курс. Ухудшение отношений с Израилем стало неизбежным последствием смены турецкого внешнеполитического вектора, а в самой Турции резко усилились антиамериканские настроения.

Впрочем, эти настроения стали следствием нереализованных надежд Турции на скорое вступление в Европейский союз – цель, которую партия Эрдогана ставила в качестве одной из основных еще на заре своего подъема. На этом фоне укрепление российско-турецких отношений стало как бы противовесом отношению европейцев к Турции, которое, несомненно, обижало не только турецкие власти, но и общественность страны, всерьез полагававшую, что путь Турции в Европу крайне важен для страны.

Конечно, российско-турецкое сближение было непростым. Так называемая «война 08.08.08», то есть принуждение Грузии к миру потребовала турецкой реакции и Турция сумела объективно

подойти к причинам конфликта, стараясь сохранить отношения, как с Россией, так и с Грузией и выступила с собственными внешнеполитическими инициативами, о чем автор и повествует во второй главе монографии, основывая свои выводы, как на российских, так и на турецких источниках.

Особый интерес вызывает Глава 4 монографии, в которой автор подробно разбирает конфликт двух государств после уничтожения в сирийском небе российского бомбардировщика. Впрочем, автор не останавливается на технических аспектах проблемы и рассматривает российскую реакцию на турецкие действия как довольно умеренную. Икбаль Дюрре при этом вполне основательно останавливается на ответных мерах российской стороны и последствиях, которые за ними последовали. Не удивительно, что выходу из кризиса была посвящена Глава 5 монографии, с подробным анализом не только мер по выходу из кризиса, но и постепенному налаживанию сотрудничества двух стран по урегулированию кризиса в Сирии.

Выход из кризиса Икбаль Дюрре связывает с выходом в отставку Ахмета Давутоглу (22 мая 2016 г.), когда этот политик, автор концепции «Стратегической глубины» и бывший министр иностранных дел и премьер-министр, председатель правящей Партии справедливости и развития ушел в отставку и взял на себя ответственность за гибель российского самолета, заявив, что именно он отдал приказ, давший пилотам турецких ВВС право открывать огонь на поражение нарушителей воздушных границ республики. Как считает автор, с отставкой А. Давутоглу была открыта дорога к исполнению формальных процедур по началу процесса нормализации двусторонних отношений. Кроме того, был арестован боевик, убивший российского летчика, а позже и принесено извинение со стороны самого Эрдогана. Турки долго взвешивали, как произнести извинение не «уронив достоинства» и, не без помощи коллег из тюркоязычных республик нашли необходимую форму извинения, которую приняла российская сторона.

Автор приводит сам текст турецкого извинения и слова, примененные турецкой стороной. Казалось бы, мелкая деталь, но именно она важна в понимании менталитета наших турецких партнеров и Икбаль Дюрре крайне щепетилен в этом вопросе, что совершенно оправдано.

В подходе Икбаля Дюрре в исследовании российско-турецких отношений важно то, что автор не просто опирается на российские и турецкие документы, чему способствует отличное знание как

родного турецкого, так и русского языка. Он не опускается до уровня политических пристрастий и проводит по-настоящему взвешенный научный анализ международно-политических проблем, что, несомненно, отличает его работу от типичных трудов большинства турецких авторов, приверженных ориентации на ту или иную политическую доктрину Турции. Отметим, что спектр этих доктрин к настоящему времени впечатляет: это и «ноль проблем с соседями» и концепция «стратегической глубины» Давутоглу и соответственно – неоосманизм, не говоря о старинных доктринах пантуранизма и пантюркизма, по-прежнему не утративших сторонников. При этом в стране есть и сторонники панисламистских концепций и возрождения халифата, хотя в религиозной сфере основной является концепция «умеренного исламизма», которой придерживается правящая Партия справедливости и развития Р. Т. Эрдогана.

Хотелось бы отметить, что автор рассматривает свою монографию как пособие, которое «подготовлено в рамках программы подготовки специалистов по дисциплинам “Внешняя политика России в отношении Турции” и “Внешняя политика Турции”». И главной задачей он считает «дать обзор хода развития российско-турецких отношений, проследить их динамику и определить этапы, через которые они прошли за прошедшее десятилетие (с 2008 по начало 2019 года)» На этой основе автор и предполагает «определить их общий вектор, что должно позволить построить предположительные сценарии на будущее». Можно считать, что с этой задачей Икбаль Дюрре справился успешно именно благодаря безусловному умению анализировать тексты официальных заявлений и документов как российской, так и турецкой стороны.

На наш взгляд монография Икбаля Дюрре далеко выходит за рамки «учебного пособия», как автор скромно характеризует свою работу. Уверен, что монография является крайне ценным источником изучения как политики Турции по отношению к России, так и шагов России по укреплению взаимодействия с Турецкой республикой и выстраивания отношений с ней не только в Сирии, но и в регионе в целом.

Виктор Наденин-Раевский,
*Кандидат философских наук,
Директор Института политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона,
старший научный сотрудник
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Отношения с Турцией традиционно занимают особое место во внешней политике России. Их динамика оказывала сильное, а временами – решающее влияние на стратегию царской, а затем – советской России и СССР на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, на Балканах, на Кавказе, в Средиземном и Черном морях. Они были существенным фактором российской (и советской) политики на европейском направлении.

В настоящее время российско-турецкие отношения превратились в фактор глобальной геополитики. Взаимодействие двух стран в борьбе против международного терроризма и в процессах урегулирования сирийского кризиса – одного из наиболее ожесточенных, кровопролитных и опасных для всей системы международных отношений – имеет огромное значение с точки зрения интересов стабилизации положения на Ближнем Востоке, по праву считающемся «пороховой бочкой» планеты.

Не меньший потенциал российско-турецкое сотрудничество имеет и в других проблемных и конфликтных точках. Кипр и Карабах, ближневосточное урегулирование (БВУ) и ситуация на Балканах, – в этих и в ряде других международных проблем конструктивное взаимодействие России и Турции может способствовать нахождению мирных, справедливых, сбалансированных решений.

В то же время растет роль российско-турецкого сотрудничества в мировой геоэкономике. Это определяется созданием новых систем магистральных газопроводов, которые на многие годы вперед смогут удовлетворить потребности европейских стран в энергоносителях. Появление в Турции газового хаба, снабжающего «голубым топливом» Европу, было бы невозможным без взаимодействия с Россией, которая служит крупнейшей энергетической базой для этого проекта.

Следует подчеркнуть, что такой масштаб, такую значимость и столь высокий уровень отношения между Россией и Турцией приобрели относительно недавно. До конца прошлого века ничего подобного не было. Постепенное развитие началось лишь в 2000-х годах, когда к управлению в обоих государствах пришли силы, ставившие перед собой амбициозные задачи выстраивания современных стратегий развития и соответствующих им внешнеполитических курсов.

Тогда были первые шаги к созданию нового качества двусторонних связей. 16 ноября 2001 года министры иностранных дел двух

стран подписали документ принципиальной важности – «План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии». Он ознаменовал собой переход от двустороннего к широкому региональному взаимодействию. В нем были обозначены географические зоны будущего сотрудничества: Балканы, Южный Кавказ, Центральная Азия, Афганистан, Кипр, Ближний Восток, Средиземноморье. Этот документ «открыл широкий коридор возможностей для взаимодействия в таких деполитизированных сферах, как торговля, культура и туризм, и должен был послужить основой для налаживания политических отношений»¹.

В частности, в декабре 2002 года был сдан в эксплуатацию газопровод «Голубой поток», по которому начались прямые поставки российского газа для нужд турецкой экономики.

В декабре 2004 года состоялся официальный визит президента РФ Владимира Путина в Турцию. По его итогам была подписана Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между нашими странами.

В 2008 году началась предметная работа над выстраиванием российско-турецкого взаимодействия, а затем и партнерства на внешнеполитической арене. Тогда, в ходе грузино-осетинского вооруженного конфликта современная Россия впервые заявила о себе как о державе, твердо проводящей самостоятельную внешнюю политику. И в этом Москва встретила понимание со стороны Анкары, которая также стремилась к большей независимости в принятии внешнеполитических решений. В тот момент две соседние державы убедились в том, что их интересы не являются антагонистическими. Напротив, взаимная заинтересованность в целенаправленной кооперации и здоровых компромиссах открывает перед ними широкие возможности для сотрудничества для достижения схожих стратегических целей.

Настоящее пособие подготовлено в рамках программы подготовки специалистов по дисциплинам «Внешняя политика России в отношении Турции» и «Внешняя политика Турции».

Главная задача данного пособия заключается в том, чтобы дать обзор хода развития российско-турецких отношений, проследить их динамику и определить этапы, через которые они прошли за

¹ Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М.: Институт востоковедения РАН, 2014, С. 4.

прошедшее десятилетие (с 2008 по начало 2019 года), и на этой основе определить их общий вектор, что должно позволить построить предположительные сценарии на будущее.

Второй задачей является показать такой способ исследования, как анализ официальных документов и текстов, в частности, двусторонних деклараций, выступлений и заявлений первых лиц и т. п. Навыки работы с такими источниками, умение их сопоставлять, учитывать контекст, особенности ситуаций, в которых они появились, являются незаменимыми в практике специалистов-международников, дипломатов, журналистов.

Структурно пособие состоит из семи глав.

Первая глава посвящена описанию объективных основ, на которых строятся российско-турецкие отношения на современном этапе, а также обзору главных рисков, с которыми они сталкиваются.

В главах со второй по шестую в хронологическом порядке изложены основные события, определявшие двусторонние отношения в различные периоды с 2008 по конец 2018 годов. Таких периодов выделено пять: период динамичного развития с 2008 по 2010, период, когда российско-турецкие отношения испытывали замедление и перешли в инерционный режим развития (2011–2015 годы), кризис 2015 года, период преодоления кризиса в 2016–2017 годах, новый период динамичного развития, начавшийся в 2017 году.

Седьмая глава посвящена рассмотрению тех тенденций в российско-турецких отношениях, которые проявились в последнее время, а также предпринята попытка на этой основе составить видение их будущего развития. В частности, рассматривается вопрос возможности выхода двусторонних отношений на более высокий качественный, союзнический уровень.

ГЛАВА 1

Российско-турецкие отношения на современном этапе: объективные основы и главные риски

Попытки описать и оценить ход развития отношений между Россией и Турцией, вычленив некие закономерности и создать на этой основе базу для их прогнозирования или управления ими предпринимались не раз. При этом исследователи регулярно сталкивались с принципиальной проблемой, а именно: в какой системе координат описывать регулярно следующие одни за другими подъемы и спады, чередование периодов конфронтации, конфликтности и конструктивного взаимодействия и сотрудничества.

Чтобы задать такую систему координат, необходимо понять природу процессов, протекающих в российско-турецких отношениях, объяснить причины, определяющие особенности их развития и, в частности, – их колебания, подобные движению маятника.

Вопросы эти носят отнюдь не академический характер; напротив, они имеют самое прямое и непосредственное отношение к внешнеполитической практике. От ответа на них зависит, на какой базе следует выстраивать долгосрочную стратегию взаимодействия двух соседних государств и народов, в соответствии с какой перспективой – мирной или конфронтационной – структурировать свои силы и ресурсы, планировать использование средств.

История и география распорядились таким образом, что Россия и Турция являются естественными конкурентами в обширных зонах: на Балканах и в бассейне Черного моря, на Кавказе и в Центральной Азии. В настоящее время мы можем наблюдать, как сложное российско-турецкое взаимодействие захватывает и новые регионы: Ближний Восток и Восточное Средиземноморье, за которыми проглядываются Северная Африка, Персидский залив, Красное море, Африканский Рог. Все большее значение приобретает Каспийский регион. От того, насколько адекватными будут наши представления и оценки механизмов, управляющих развитием российско-турецких отношений, будет зависеть выбор той или иной внешнеполитической стратегии каждой из сторон: либо в пользу логики «игры с нулевой суммой», предполагающей непременно вытеснения конкурента, либо в пользу кооперативной логики, требующей взаимного учета интересов.

Однозначно ответить непросто. С одной стороны, сильно обаяние нынешнего этапа наших отношений, преисполненного оптимизма и больших надежд на лучшее будущее. Бурное развитие торгово-экономических связей, туризма, неуклонное продвижение таких крупнейших проектов, как создание газотранспортной инфраструктуры («Голубой поток», «Турецкий поток»), строительство АЭС Аккую, наконец, беспрецедентная совместная борьба России и Турции (с участием Ирана) против международного терроризма в Сирии, активное сотрудничество в деле внутрисирийского урегулирования, налаживание военно-технического сотрудничества (ВТС), – все это не может не восприниматься как поистине огромные достижения и верный залог дальнейшего укрепления и качественного совершенствования российско-турецкого стратегического взаимодействия. Крайне важно, что эти положительные процессы не были сорваны и повернуты вспять даже в результате таких трагических событий, как гибель российского бомбардировщика и смерть одного из пилотов в 2015 году, а также убийство посла РФ в Анкаре в 2016 году.

Однако, с другой стороны, нельзя игнорировать исторический опыт, накопленный за многие столетия российско-турецкого взаимодействия, который свидетельствует: периоды сотрудничества и просто добрососедства России и Турции никогда не были продолжительными. Каждый раз они обрывались очередным резким похолоданием, очередной конфронтацией. Те же события 2015–2016 годов можно расценивать как свидетельство того, что по отношению между Москвой и Анкарой могут быть нанесены самые неожиданные удары. Кризис может возникнуть в любой момент. И именно это обстоятельство – уязвимость российско-турецких отношений – необходимо учитывать в первую очередь, не строя своих расчетов на том, что положительная динамика последних лет стала необратимой, некой «новой нормой».

В связи с этим, первый вопрос, на который необходимо дать ответ, можно сформулировать так: насколько глубоки и устойчивы интересы России и Турции, лежащие в основе их нынешнего сближения. Являются ли они фундаментальными, то есть такими, от которых невозможно отказаться без ущерба для той базы, на которой строятся стратегии обеспечения безопасности и развития, или они носят конъюнктурный характер и зависят от текущих изменений на глобальном или региональном уровнях, и отказ от них не несет с собой принципиальных угроз, хотя и может быть связан с рисками.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к истории российско-турецких отношений, которые знали периоды тесного и плодотворного сотрудничества. Так, в декабре 1798 года в Стамбуле был заключен Союзный оборонительный трактат, в 1833 году – подписан Ункяр-Искелесийский союзный договор, предусматривавший оказание Россией и Турцией помощи друг другу в случае угрозы «их обоюдному спокойствию и безопасности». Наконец, чуть менее ста лет назад, в 1921 году был подписан Московский договор «о дружбе и братстве». Оценивая эти три великие вехи в развитии российско-турецких связей, российский исследователь В. Егоров делает вывод: «... и объединялись против общей угрозы»².

Аналогичное заключение делает и современный турецкий исследователь Г. Казган, описывающий логику сближения между ТР и РСФСР в 20-х годах XX века: «С одной стороны, в СССР начал утверждаться коммунизм, враждебно относящийся к экономическому порядку Запада, то есть к капитализму. С другой стороны, республиканцы, организовавшие при поддержке народа освободительную борьбу за создание на части территории Османской империи национального государства, создали прецедент, подавая пример для других угнетенных народов. Все это вынуждало Запад выступить единым фронтом как против первого, так и против вторых. Результатом этого стало развитие сотрудничества между СССР и турецкими республиканцами и оказание Советским Союзом разносторонней поддержки Турции в период освободительной борьбы, а затем – в годы становления республики и проведения реформ. Другими словами, результатом создания Западом единого фронта против Турции и СССР стало развитие взаимного сотрудничества этих двух новых государств»³.

² Егоров В. Отношения между Россией и Турцией в контексте межцивилизационных взаимодействий. Т.С. kültür ve turizm bakanlığı [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/EGOROV-Valery-%D0%9E%D0%A2%D0%9D%D0%9E%D0%A8%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF-%D0%9C%D0%95%D0%96%D0%94%D0%A3-%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%98%D0%95%D0%99-%D0%98-%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%A6%D0%98%D0%95%D0%99-%D0%92-%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%9A%D0%A1%D0%A2%D0%95-%D0%9C%D0%95%D0%96%D0%A6%D0%98%D0%92%D0%98%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%9E%D0%9D%D0%9D%D0%AB%D0%A5-%D0%92%D0%97%D0%90%D0%98%D0%9C%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%99%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%98%D0%99.pdf> (дата обращения 05.03.19).

³ Цит. по: там же.

Таким образом, можно назвать, как минимум, два условия наличия между Россией и Турцией отношений сотрудничества: две державы должны разговаривать друг с другом напрямую, самостоятельно, без участия третьих сторон, и при этом их должна объединять общая угроза.

Можно заметить, что и в XXI веке российско-турецкое сближение возникло и развивается в схожих условиях. Во-первых, вплоть до самого последнего времени Москва и Анкара вели совершенно самостоятельный двусторонний диалог по всему кругу общих тем и интересов. Во-вторых, Россия и Турция столкнулись с общей угрозой со стороны международного терроризма и экстремизма. Наконец, они едины в критических оценках стратегии Запада и видят в его действиях попытку противодействовать их движению по пути суверенного развития. Показательно, что после неудачной попытки военного переворота в Турции летом 2016 года правящая элита страны стала называть свой политический курс «Новой войной за независимость», тем самым проводя «параллели с турецкой войной за независимость 1919–1922 годов, в ходе которой ополчение под руководством Мустафы Кемаля боролось за основание нынешней Турецкой республики»⁴.

Однако едва ли было бы справедливо полагать, что российско-турецкое сближение является или может являться лишь результатом возникновения общих для двух стран угроз. Конечно, наличие таких угроз способно существенно облегчить нахождение точек соприкосновения и налаживание взаимопонимания, но более глубокий анализ позволяет увидеть, что природа отношений между нашими странами более сложна. Если бы она была лишь функцией от внешней конъюнктуры, от политики Запада, период неуклонного поступательного развития российско-турецких отношений не был бы столь продолжительным, эти отношения не выдержали бы испытаний 2015–2016 годов.

Сравнивая ситуации 20-х годов прошлого века и начала текущего столетия, можно отметить еще одно совпадение принципиальной важности. И тогда, и сейчас Россию и Турцию объединяет стремление изменить мир вокруг себя. И во имя этой цели они идут на сотрудничество.

⁴ Заракол Айше. Турция и Россия, Эрдоган и Путин. PONARS Eurasia [Электронный ресурс]. URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/memo/201610_Zarakol (дата обращения: 27.02.19).

Сто лет назад речь шла о мечте о новом мире, живущем по новым правилам, альтернативным тем, что культивировались Антантой. В этом была основа для конструктивного сотрудничества России и Турции. То же самое мы видим и теперь: наши страны хотят построить многополярный мир, в котором каждая из них имела бы те место и роль, которые они сами считают правильными, а не те, что соглашались им отдать США, ЕС, НАТО.

Вот как об этом писал Ахмет Давутоглу, автор внешнеполитической концепции «стратегической глубины» правящей в Турции Партии справедливости и развития и бывший глава МИД ТР: «Турция верит в возможность установления справедливого и устойчивого мирового порядка, который будет служить на благо всех стран, любого общества и каждого человека в отдельности. С нашей точки зрения, путь к этому лежит через формирование местных и региональных блоков. Необходимо принимать близко к сердцу региональные проблемы, заботиться о развитии диалога и восстановлении взаимного доверия, а также усиливать стимулы для укрепления сотрудничества в регионах. Мы можем и должны изменить ситуацию к лучшему, преодолевая психологические барьеры, открывая умы и сердца друг другу, объединяя ресурсы»⁵.

Таким образом, турецкая политическая элита видит задачу в формировании «местных и региональных блоков». Следует отметить, что эта концепция не является новой для Турции. Например, еще в 80-х годах прошлого века министр иностранных дел Турции Ильгер Тюркмен озвучивал концепцию, согласно которой в регионах Персидского залива и Юго-Западной Азии в целом должна существовать особая система безопасности, не опирающаяся на поддержку внерегиональных держав⁶.

Характеризуя внешнеполитическую концепцию «стратегической глубины», российские исследователи П. Шлыков и Н. Ульянов отмечали: «Идеологи сегодняшней турецкой внешней политики считают, что Турция, занимая одно из центральных положений в регионе Большого Ближнего Востока, с исторической, геополитической и стратегической точек зрения обязана вести активную внешнюю политику, многовекторность которой предполагает

⁵ Давутоглу Ахмет. Внешняя политика Турции и Россия. Россия в глобальной политике 2010 № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_14562 (дата обращения: 27.02.19)

⁶ Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой республики (1923–2016). М.: Аспект Пресс, 2017. С. 123.

синхронную активность в направлении широкого спектра регионов и международных организаций по внушительному кругу вопросов и проблем»⁷.

Другой специалист по Турции, И. Стародубцев подчеркивает, что в центре концепции «стратегической глубины» лежит «опор на историческое наследие и опыт Османской Империи»⁸. Подробно анализируя положения, выдвинутые А. Давутоглу, он отмечает: «одноосная внешняя политика Турции... подвергается критике. Эксклюзивная ставка на США, ЕС и НАТО вкупе с игнорированием прочих возможных альянсов... в прошлом неоднократно приводила к ситуации, когда Турция перед лицом возникающих внешнеполитических проблем и угроз оказывалась на мировой арене в одиночестве... Роль Турции в такой обстановке была периферийной, даже своя собственная территория рассматривалась как зона стратегических интересов других стран»⁹.

Тезис о том, что турецкая внешнеполитическая доктрина опирается на историческое наследие Османской империи, заслуживает особого внимания. Действительно, многие авторы характеризуют ее как «неоосманизм». Вот, например, как описывает эту концепцию российский исследователь В. Аватков: «Неоосманизм представляет собой неофициальную внешнеполитическую доктрину Турции по расширению сферы влияния на сопредельные территории посредством “мягкой силы”, за счет экономики, гуманитарного воздействия и наднационального духа. Внутривнутриполитический национализм образца Ататюрка сегодня явно утратил свое бывшее значение, на смену ему приходят новые наднациональные скрепы, основанные на имперском мышлении современного типа, умеренном исламе, турецком евразийстве, пантюркизме и панисламизме»¹⁰.

Наконец, приведем еще одну цитату, в которой турецкая внешнеполитическая доктрина описывается с точки зрения практики. Вот мнение такого авторитетного специалиста, как бывший посол России в Турции, доктор исторических наук Петр Стегний: «Главной особенностью современной системы глобальной безопасности

⁷ Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В. Динамика российско-турецких отношений... С. 7–8.

⁸ Стародубцев И. И. Трансформирующаяся Турция. М.: Институт Ближнего Востока, МГИМО – Университет МИД РФ, 2011. С. 163.

⁹ Там же, С. 163–164.

¹⁰ Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции. Свободная мысль [Электронный ресурс]. URL: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/> (дата обращения 02.03.19).

турки считают отсутствие согласованного международного понимания ее базовых аспектов. Противодействие новым вызовам и угрозам происходит прагматически, в рамках тактических договоренностей ведущих держав. Перспективу выхода на уровень глобального взаимодействия Анкара связывает со становлением многополярного мира, обновлением концепции евроатлантической солидарности в сторону большей самостоятельности стран-членов. Турция не считает себя фланговой страной НАТО и исходит из того, что ее стратегический союз с Западом совместим с самостоятельной ролью в вопросах обеспечения безопасности в Черноморском регионе, в отношениях с Ираком, Ираном, Афганистаном, процессе ближневосточного урегулирования. По той же логике выстраиваются отношения с Россией, в т. ч. в вопросах поддержания стабильности в Причерноморье, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, которые турки считают сферой исторически сложившихся общих интересов»¹¹.

Нетрудно заметить, что это видение весьма близко к концепции многополярности, выдвинутой руководством России. Вот как формулировал эту тему президент РФ Владимир Путин в своей знаменитой речи на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 года: «... для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном ... мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»¹².

Сравнение современных турецких и российских концептуальных внешнеполитических установок можно продолжить. Президент В. Путин указывал в Мюнхене: «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется – меняется за счет динамичного развития целого ряда государств и регионов... Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового

¹¹ Стегний П. Вдвоем на «хартленде». Россия в глобальной политике 2015 № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Vdvoem-na-khartlende-17312> (дата обращения 27.02.19).

¹² Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. Официальный сайт президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 27.02.19).

роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность»¹³.

Доктрина А. Давутоглу как раз и предусматривает такую «конвертацию» потенциала Турции: он формулирует задачу превращения ТР в великую державу, способную вести равноправный диалог с глобальными игроками: США, РФ, ЕС. Как отмечал П. Стегний, «поставлена задача: к 2023 г., столетию кемалистской революции, Турция должна войти в десятку наиболее развитых экономик мира, стать лидером технологической модернизации в регионе. Анкара говорит о предпочтительности системного подхода перед кризисным реагированием, призывает выработать единые критерии урегулирования региональных конфликтов, приоритета использования “мягкой силы” при сохранении потенциала экономического и военного воздействия – реальная площадка для взаимодействия, в т. ч. в сфере превентивного миротворчества»¹⁴.

В России очень чутко уловили настроения, охватывавшие турецкие элиты. Видимо, потому что они были близки российскому видению ситуации: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех»¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что российско-турецкое сближение в XXI веке носит не только реактивный антизападный характер; оно не в меньшей степени основано на совпадении концептуальных подходов и стратегических устремлений политических элит двух государств. Для них речь идет не только о противодействии навязыванию монополярной модели мироустройства, в

¹³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. Официальный сайт президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 27.02.19).

¹⁴ Стегний П. Вдвоем на «хартленде»

¹⁵ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года.

которой роль и место России и Турции были бы крайне ограничены. Цель заключается в инициативном создании реально функционирующей многополярной модели, которая должна обеспечить Москве и Анкаре достойный статус соавторов будущего – наряду с ведущими глобальными игроками. В силу же географических и исторических факторов работать над этой моделью двум государствам необходимо сотрудничая, а не соперничая друг с другом. В этом, как представляется, заключается реальное содержание нынешнего периода российско-турецкого партнерства. Как писал П. Стегний, «в целом конфликта стратегических интересов России и Турции на Южном Кавказе, в Центральной Азии, да и на Ближнем и Среднем Востоке, нет. Более того, российско-турецкие интересы совпадают в главном – поддержании политической стабильности в Евразии при недопущении или хотя бы ограничении проникновения в эти регионы внерегиональных сил»¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что процессы укрепления российско-турецких связей, наращивания потенциала сотрудничества двух держав, поступательного формирования системы партнерства между ними носят объективный характер, обусловлены совпадением основополагающих интересов, схожим видением будущего. Конструктивное взаимодействие между ними имеет и для Москвы, и для Анкары самостоятельную ценность, которая не зависит от колебаний текущей внешнеполитической конъюнктуры. Общность стратегической цели – формирование регионального полюса силы и влияния – и невозможность достичь ее по отдельности могут служить залогом того, что двустороннее сотрудничество будет долгосрочным и достаточно устойчивым к негативному воздействию, будь то со стороны внешних или внутренних сил.

Вместе с тем это принципиально важное обстоятельство не может само по себе являться абсолютной гарантией от любых рисков. Российско-турецкие отношения не свободны от проблем и противоречий; их конструктивный, партнерский характер во многих мировых столицах, по выражению президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, «вызывает ревность», расценивается как фактор, мешающий реализации интересов тех или иных стран. Соответственно, противники российско-турецкого сближения будут стремиться нарушить его, как это неоднократно бывало в истории.

¹⁶ Стегний П. Вдвоем на «хартленде».

Именно исторический опыт указывает на одно из «слабых мест» российско-турецких отношений – их *традиционную чувствительность к внешнему воздействию*. Третьи силы всегда могли вмешаться и влиять на связи двух государств, чаще всего – негативно.

Достаточно вспомнить о роли Британии и Франции в деле разжигания Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов, о политике стран Антанты в период между двумя мировыми войнами, о действиях США и НАТО после Второй мировой войны. В каждый из этих исторических периодов западные державы целенаправленно работали над разжиганием российско-турецких противоречий и доведением их до уровня конфронтации.

Сегодня приходится признать, что возможности развития ситуации по схожему сценарию сохраняются. Запад по-прежнему располагает рычагами воздействия, которые могут быть пущены в дело в любой момент и способны нанести ощутимые удары по процессам российско-турецкого сотрудничества. В качестве примера можно привести действия США в стремлении помешать приобретению Турцией российских комплексов ПВО С-400.

Рассматривая роль третьих сторон в развитии российско-турецких отношений необходимо указать и на появление в настоящее время совершенно нового фактора – Китая. Его можно охарактеризовать как «большое неизвестное»; однако в том, что китайское влияние будет ощущаться с каждым годом все сильнее, сомнений быть не должно.

Нужно указать и еще одного игрока, способного активно воздействовать на российско-турецкие отношения. Это – Иран, который в настоящее время является союзником России и Турции в Сирии, играет наравне с ними роль гаранта астанинских договоренностей. Вместе с тем Тегеран имеет собственное видение перспектив развития геополитических процессов в сопредельных регионах и своего места в них. И нельзя полностью исключать возможности того, что в определенных условиях интересы ИРИ придут в противоречие с интересами дальнейшего укрепления российско-турецкого партнерства.

Уязвимость двусторонних связей при негативном воздействии со стороны усугубляется и таким обстоятельством, как *большое число геополитических «площадок», на которых Россия и Турция соприкасаются и взаимодействуют*. Сирия, Ближний Восток и Восточное Средиземноморье (Левант) в целом, значительная часть Северной Африки, Красное море и Африканский Рог, Персидский залив и Ирак, Балканы, Черноморский бассейн, включая Крым и

Проливы, Закавказье, Каспий, Центральная Азия, – таков географический охват зон, где при желании можно добиться столкновения интересов РФ и ТР, спровоцировать конфликт между ними.

На данный момент географическая структура взаимодействия Москвы и Анкары такова, что Сирия по значимости однозначно и многократно перевешивает все остальные направления. Но уже в ближайшее время вполне можно будет ожидать роста значения проблем, связанных с Черноморскими проливами, Закавказьем, Каспием, Кипром.

Следующая проблема в российско-турецких отношениях – это *дисбаланс между политической и экономической составляющими*. И здесь есть большое своеобразие. Так, чаще всего в практике международных связей встречается перевес экономики над политикой, когда «уровень политического взаимодействия» неких двух государств «не дотягивает» до «достигнутых масштабов торгово-экономического сотрудничества». Но в случае с Россией и Турцией ситуация обратная: тут торговля и экономика с трудом успевают за политикой.

Это обстоятельство отмечалось еще в 2008 году тогдашними президентами РФ и ТР Дмитрием Медведевым и Абдуллахом Гюлем. Сегодня, 10 лет спустя, дисбаланс сохраняется и представляет определенный риск с точки зрения перспектив российско-турецких отношений.

Неслучайно президенты Р. Эрдоган и В. Путин столь пристально следят за решением таких задач, как строительство «Турецкого потока», реализация проекта АЭС Аккую, поощрение взаимных инвестиций, а также доведение объема взаимной торговли до 100 млрд долларов.

Эта цифра выглядит несколько завышенной, особенно если учесть, что показатель в 100 млрд долларов товарооборота был достигнут Россией и Китаем только по итогам 2018 года. С другой стороны, в 2017 году товарооборот ТР с Евросоюзом превысил уровень 150 млрд евро.

Но как бы там ни было, но рубеж в 100 млрд долларов является официальной целью. И руководство двух стран понимает, что движение на этом, равно как и на всех других перечисленных направлениях должно обрести внутреннюю динамику. Только это обеспечит наполнение двусторонних отношений практическим содержанием и защитит их от изменений политической конъюнктуры или диверсий со стороны третьих сил.

ГЛАВА 2

2008–2010 годы. Период динамичного развития. От грузино-осетинского конфликта до «арабской весны»

2008 год

2008 год вполне допустимо назвать рубежным в развитии российско-турецких отношений, хотя, казалось бы, он не принес никаких внешне эффективных событий: не было «эпохальных» визитов и встреч, подписаний «исторических» документов и т. п. Однако именно в этом году было положено практическому взаимодействию между Москвой и Анкарой в стратегически важных для них вопросах и на основании новых (на тот момент) национальных стратегических концепций.

В 2008 году произошло вооруженное столкновение между Россией и Грузией, так называемая «война 08.08.08»: восьмого августа российские Вооруженные силы по приказу Верховного главнокомандующего – Президента РФ Дмитрия Медведева выступили на защиту Южной Осетии. Это стало первым шагом Кремля на пути реализации внешнеполитической стратегии, изложенной годом ранее тогдашним российским руководителем Владимиром Путиным в его знаменитой «Мюнхенской» речи.

Главный тезис этой речи сводился к решительному отказу от признания единоличного глобального лидерства США в пользу установления мирового порядка, основанного на многополярности. При этом Москва, недвусмысленно предлагала свою помощь тем государствам, которые были бы готовы побороться за обретение схожего самостоятельного центра силы и влияния. И Турция в этом контексте рассматривалась в качестве весьма перспективного партнера.

К тому моменту между двумя странами уже установились достаточно стабильные экономические связи. Было начато даже военное и военно-техническое сотрудничество. Обе стороны проявляли заинтересованность в качественном прогрессе, который, однако, мог быть ограничен фактом принадлежности Турции к блоку НАТО, к западному лагерю.

Напомним, что в ту пору Анкара питала очень большие надежды на полномасштабное присоединение к Европейскому Союзу. В этих условиях перспективы дальнейшего качественного развития российско-турецких отношений были отнюдь не очевидными, особенно

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru